Эмиль Золя

Человек-зверь
◆
Жерминаль

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
З 81

Émile Zola
LA BÊTE HUMAINE. GERMINAL

Перевод с французского
Якова Лесюка, Наталии Немчиновой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрации
Григория Филипповского,
а также Жюля Гюйо, Фердинанда Бака
и других художников конца XIX в.

© Я. З. Лесюк (наследник), перевод, 1964
© Н. И. Немчинова (наследник), перевод, 1964
© Г. Г. Филипповский (наследник), иллюстрации, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28939-0

О ПОРЯДКЕ ЧТЕНИЯ ЦИКЛА «РУГОН-МАККАРЫ»

Работа над романами цикла «Ругон-Маккары» заняла у Эмиля Золя больше двадцати лет и не происходила линейно: за вычетом хронологически первого и последнего романов, созданных, соответственно, первым и последним, порядок появления частей цикла не всегда соответствовал хронологии описываемых событий. Традиционно цикл издается в порядке написания, однако в этом и дальнейших изданиях мы предпочли руководствоваться его внутренней хронологией. Такой порядок чтения сам автор описывает в финальном романе цикла «Доктор Паскаль» и, по утверждению Эрнеста Альфреда Визетелли, английского переводчика и друга Золя (см. критическую биографию *Émile Zola, Novelist and Reformer: An Account of His Life and Work* by Ernest Alfred Vizetelly, 1904, гл. XI), неоднократно рекомендовал на словах.

Карьера Ругонов (*La Fortune des Rougon*, 1871)
Его превосходительство Эжен Ругон (*Son Excellence Eugène Rougon*, 1876)
Добыча (*La Curée*, 1871–1872)
Деньги (*L'Argent*, 1891)
Мечта (*Le Rêve*, 1888)
Покорение Плассана (*La Conquête de Plassans*, 1874)
Пена (*Pot-Bouille*, 1882)
Дамское Счастье (*Au Bonheur des Dames*, 1883)
Проступок аббата Муре (*La Faute de l'abbé Mouret*, 1875)
Страница любви (*Une page d'amour*, 1878)
Чрево Парижа (*Le Ventre de Paris*, 1873)
Радость жизни (*La Joie de vivre*, 1884)
Западня (*L'Assommoir*, 1877)
Творчество (*L'Œuvre*, 1886)
Человек-зверь (*La Bête humaine*, 1890)
Жерминаль (*Germinal*, 1885)
Нана (*Nana*, 1880)
Земля (*La Terre*, 1887)
Разгром (*La Débâcle*, 1892)
Доктор Паскаль (*Le Docteur Pascal*, 1893)

Человек-зверь

С репродукциями работ
Жюля Грюйо, Фердинанда Бака,
а также литографиями из французской
и американской прессы конца XIX в.

«Господин Золя совершает поездку на локомотиве, собирая материал для романа „Человек-зверь“». Журнал «L'Illustration» от 8 марта 1890

I

Войдя в комнату, Рубо положил на стол фунтовый хлебец, мясной пирог и поставил бутылку белого вина. Тетушка Виктория, отправляясь утром на свой пост, должно быть, подбросила в печь слишком много угля, и жара была удушающая. Открыв окно, помощник начальника станции облокотился на подоконник.

Комната помещалась в последнем доме по правой стороне Амстердамского тупика, в высоком доме, где Компания Западных железных дорог поселила некоторых из своих служащих. Окно, расположенное на шестом этаже, в углу под крутым скатом крыши, выходило на станцию, которая глубоко вклинивалась в Европейский квартал; внезапно представавшее взору свободное пространство сливалось в тот послеполуденный час сырого февральского дня с серым небом, освещенным скупыми лучами солнца, и казалось от этого еще шире.

Впереди, в тусклом свете, едва проступали зыбкие контуры домов на Римской улице. Слева зияли огромные арки крытых платформ с закопченными стеклянными навесами: сюда прибывали поезда дальнего следования; а неподалеку от этих громадных платформ, по другую сторону зданий станционной почты и кубовой, располагались другие платформы, поменьше, — отсюда поезда шли в Аржантей, в Версаль и по Окружной дороге; справа Европейский мост стальной лентою рассекал горизонт, а затем глазу вновь представали железнодорожные пути, уходившие в Батиньольский туннель. Внизу, под самым окном, веерообразно устремлялись в разные стороны выбегавшие из-под моста три двойные железнодорожные колеи; от них ответвлялись бесчисленные, переплетавшиеся друг с другом металлические ленты и пропадали под навесами платформ. Три будки стрелочников пе-

ред арками моста были окружены маленькими голыми садиками. А над беспорядочным скоплением вагонов и паровозов, загромождавших пути, огромный сигнальный круг красным пятном выделялся в блеклом свете дня.

С минуту Рубо с интересом глядел на это зрелище, сравнивая его с тем, что видел на станции Гавр. Всякий раз, когда ему доводилось на денек попадать в Париж и он приходил сюда, в комнату тетушки Виктории, лихорадочный ритм железной дороги захватывал его. С прибытием поезда из Манта на крытой платформе главного пути все пришло в движение; Рубо наблюдал за маневровым паровозом, небольшим, медлительным трехосным паровиком с тендером на маленьких колесах, который начал разборку поезда и сновал взад и вперед, увозя вагоны на запасные пути. Другой паровоз — мощный локомотив курьерского поезда с двумя огромными ведущими колесами — пока стоял в стороне, выбрасывая клубы густого черного дыма, медленно поднимавшегося в неподвижном воздухе. Потом вниманием Рубо завладел поезд, отправлявшийся в три часа двадцать пять минут на Кан; пассажиры уже сидели в вагонах, но паровоза еще не подали. Скрытый от взоров, он стоял по ту сторону Европейского моста, и слышны были только его частые негромкие свистки: он настойчиво требовал освободить путь и, казалось, терял терпение. Раздался сигнал, коротким свистком паровоз подтвердил, что понял. Перед тем как он тронулся, наступила минутная тишина, затем из продувательных кранов, оглушительно шипя, вырвался пар и стал расстилаться над самыми рельсами. И тогда Рубо увидел, как от моста покатилось, все разрастаясь и кружась, точно снежный вихрь, белое облако, окутавшее железные фермы. А на фоне белого тумана возникала и ширилась черная пелена — копоть, вылетавшая из трубы другого паровоза. Из-за этой черно-белой завесы глухо доносились продолжительные гудки, возгласы, скрежет поворотного круга. Затем образовался просвет, и в нем показались два мчавшихся в противоположных направлениях поезда: один шел из Версаля в Париж, другой — из Парижа в Отейль.

Рубо уже собирался отойти от окна, как вдруг его кто-то окликнул. Посмотрев вниз, он увидел на балконе пятого этажа молодого еще человека лет тридцати, Анри Доверня, обер-кондуктора, жившего тут вместе с отцом, помощником начальника станции по поездам дальнего следования, и двумя сестрами, Клер и Со-

фи, прелестными блондинками восемнадцати и двадцати лет; всегда веселые, они вели хозяйство на шесть тысяч франков, которые приносили домой отец и брат. Вот и теперь слышно было, как старшая смеялась, младшая пела, а канарейки в клетке вторили ей звонкими руладами.

— Как, господин Рубо, оказывается, вы в Париже?.. Ах да, это, верно, по поводу вашего столкновения с супрефектом!

Вновь облокотившись о подоконник, помощник начальника станции объяснил, что ему пришлось выехать из Гавра утром, курьерским поездом в шесть сорок. В Париж он прибыл по приказу начальника службы эксплуатации и получил здесь страшнейший нагоняй. Спасибо еще не лишился должности.

— А госпожа Рубо? — спросил Анри.

Жена тоже пожелала приехать за покупками. Рубо ее и ждет здесь, в этой комнате, ключи от которой тетушка Виктория дает им всякий раз, когда они приезжают в Париж; и пока славная женщина дежурит внизу, в туалете, оба спокойно завтракают вдвоем. Утром они слегка перекусили в Манте, а в столице решили прежде всего покончить с делами. Но пробило уже три часа, и он просто умирает с голоду.

Из учтивости Анри задал еще один вопрос:

— Заночуете в Париже?

Нет, нет! Они вечером возвращаются в Гавр, курьерским поездом в шесть тридцать. Как же, дадут тебе отдохнуть! Приглашают только для того, чтобы хорошенько намылить голову, а потом — убирайся восвояси!

Железнодорожники обменялись понимающим взглядом и покачали головой. Они больше не слышали друг друга: фортепьяно, точно взбесившись, разразилось оглушительными звуками. Сестры, должно быть, дружно колотили по клавишам, подзадоривая канареек и громко смеясь. Тогда молодой человек, в свою очередь развеселившись, поклонился Рубо и ушел в комнату; помощник начальника станции помедлил еще несколько мгновений, продолжая смотреть на балкон, где царило задорное веселье. Потом, подняв глаза, он снова увидел паровоз — продувательные краны были закрыты, и стрелочник направил его к составу, отправлявшемуся в Кан. Последние хлопья белого пара исчезали среди густых клубов черного дыма, грязнивших небосклон. Рубо отошел вглубь комнаты.

Часы с кукушкой показывали двадцать минут четвертого, и он в отчаянье развел руками. Какого черта Северина так запаздывает? Попав в магазин, она не спешит оттуда выйти. Голод терзал его, и, чтобы отвлечься, он решил накрыть на стол. Рубо чувствовал себя как дома в этой просторной с двумя окнами комнате, служившей одновременно спальней, столовой и кухней, где стояла мебель орехового дерева — кровать с красными занавесками из дешевой материи, буфет с горкой для посуды, круглый стол, нормандский шкаф. Он достал из буфета салфетки, тарелки, несколько вилок и ножей, два бокала. Все сверкало чистотой, белоснежная скатерть радовала глаз, и Рубо, влюбленный в жену, забавлялся, точно ребенок, занятый игрою в обед, и добродушно посмеивался, предвкушая, как она распахнет дверь и разразится звонким смехом. Положив на тарелку мясной пирог и пододвинув к ней бутылку вина, он озабоченно поискал что-то глазами. Потом, вспомнив, быстро достал из кармана два свертка — небольшую коробку сардин и кусок грюэрского сыра.

Часы пробили половину четвертого. Рубо шагал из угла в угол, прислушиваясь к малейшему шуму на лестнице. Проходя в томительном ожидании мимо зеркала, он остановился и взглянул на себя. Нет, он ничуть не постарел, ему уже под сорок, а ярко-рыжие вьющиеся волосы все такие же. И золотистая окладистая борода не поредела. Рубо был среднего роста, но обладал необычайной силой; он себе нравился и с удовольствием рассматривал в зеркале свою немного приплюснутую голову с низким лбом и широким затылком, круглое румяное лицо, освещенное большими блестящими глазами. Сросшиеся брови образовывали на лбу прямую линию, характерную для ревнивцев. Он был старше жены на пятнадцать лет и потому частенько останавливался перед зеркалом, но собственное отражение успокаивало его.

На лестнице раздались шаги, Рубо подбежал к двери и приоткрыл ее. Нет, то возвратилась соседка, продавщица газет на вокзале. Он повернулся, подошел к буфету и принялся разглядывать шкатулку, украшенную ракушками. Рубо хорошо знал эту шкатулку, Северина подарила ее своей кормилице, тетушке Виктории. Этой вещицы оказалось достаточно, чтобы Рубо вспомнил все обстоятельства своей женитьбы. Подумать только, скоро уже три года!.. Рубо родился на юге Франции, в Плассане, в семье возчика; он возвратился с военной службы с нашивками сержанта,

долгое время был дорожным мастером на станции в Манте, а затем перешел на станцию Барантен старшим мастером; там-то он и познакомился со своей дорогой женушкой, она приезжала туда к поезду из Дуанвиля вместе с мадемуазель Бертой, дочерью председателя суда Гранморена. Северина Обри была всего-навсего младшей дочерью садовника, служившего до конца своей жизни у Гранморена; однако председатель суда, ее крестный отец и опекун, необыкновенно баловал девочку, сделал подругой собственной дочери и даже поместил обеих в один и тот же пансион в Руане; к тому же в Северине было столько врожденного благородства, что Рубо долго лишь вздыхал по ней и смотрел на девушку с тем восторгом, с каким пообтесавшийся мастеровой смотрит на изящную и драгоценную безделушку. Северина была его первой и единственной любовью. Он так страстно желал обладать ею, что, не будь у нее ни гроша, он и тогда женился бы; когда Рубо отважился наконец сделать предложение, то действительность превзошла его мечты: Северина ко всему еще принесла приданое в десять тысяч франков, а председатель суда, в ту пору уже вышедший в отставку и ставший членом административного совета Компании Западных железных дорог, пообещал ему покровительство. Буквально на следующий день после свадьбы Рубо был назначен помощником начальника станции в Гавре. Надо сказать, он и до того считался хорошим работником, знающим свое дело, пунктуальным, добросовестным, правда несколько ограниченным, но честным; все эти отличные качества могли объяснить, почему его просьба о повышении была так быстро удовлетворена. Однако Рубо предпочитал думать, что всем обязан жене. Он ее обожал.

Открыв сардины, Рубо окончательно потерял терпение. Они условились встретиться в три часа. Где она может быть? Пусть только скажет, будто убила целый день на покупку пары ботинок и полдюжины сорочек! Он опять зашагал по комнате и, проходя мимо зеркала, увидел свои ощетинившиеся брови и суровую складку на лбу. В Гавре он никогда не ревновал Северину. Но в Париже ему мерещились всякие опасности, женские уловки, плутовство. Кровь приливала к его голове, а кулаки бывшего мастерового сжимались с такой же силой, как в те времена, когда он толкал вагоны. И Рубо превращался в необузданного зверя, способного в припадке слепой ярости растерзать жену.

Дверь отворилась, на пороге возникла Северина, радостная и веселая.

— Вот и я... Ты уж, верно, решил, что я пропала.

В двадцать пять лет — самом расцвете молодости — Северина казалась высокой, стройной, необыкновенно гибкой и довольно полной, несмотря на тонкую кость. На первый взгляд ее нельзя было назвать красивой: продолговатое лицо, крупный рот, в котором сверкали великолепные зубы. Но в ее облике таилось что-то пленительное — прелесть была в необычайном сочетании огромных голубых глаз и густых черных волос.

Так как муж, ничего не отвечая, пристально смотрел на Северину хорошо ей знакомым мутным, недоверчивым взглядом, она поспешила прибавить:

— О, я так бежала... Вообрази, в омнибус невозможно сесть. А на извозчика я поскупилась — и всю дорогу бежала. Смотри, я совершенно мокрая.

— Ну нет, — резко сказал Рубо, — тебе не удастся убедить меня, будто ты весь день провела в магазинах.

Точно шаловливый ребенок, Северина обняла мужа за шею и закрыла ему рот красивой пухлой ручкой:

— Гадкий, гадкий, замолчи!.. Ты ведь знаешь, что я тебя люблю.

Все ее существо излучало такую искренность, она выглядела такой чистой и прямодушной, что он неистово сжал жену в объятиях. Так всегда заканчивались сцены, вызванные его подозрительностью. Северина послушно позволяла ласкать себя. Муж осыпал ее поцелуями, но она не отвечала на них; она неизменно вела себя как взрослый ребенок, покорный, но равнодушный, проявляла к нему дочернюю привязанность, однако Рубо не удавалось разбудить в ней чувственность, и это наполняло его смутным беспокойством.

— Стало быть, ты очистила все магазины?

— Вот именно! Я тебе сейчас расскажу... Но прежде поедим. До чего я голодна!.. Да, тебя ждет маленький подарок. А ну, повтори: «Где мой маленький подарок?»

Прижавшись щекой к его лицу, она весело смеялась. Потом засунула правую руку в карман, что-то нащупала там, но не вынула.

— Повтори быстрее: «Где мой маленький подарок?»

Он тоже добродушно засмеялся и наконец проговорил:

— Где мой маленький подарок?

Это был нож, она купила его взамен того, который он потерял две недели назад и до сих пор оплакивал. Рубо пришел в восторг, он не уставал восхищаться новым ножом с рукояткой из слоновой кости и сверкающим лезвием. Он немедля пустит его в дело! Радость мужа доставила Северине большое удовольствие; шутя она потребовала от него мелкую монету, чтобы их дружба не была рассечена.

— А теперь за еду, за еду! — повторяла она. — Нет, нет, прошу тебя, не закрывай окна. Мне так жарко!

Она подошла к мужу, прильнула к его плечу и простояла несколько мгновений у окна, глядя на раскинувшуюся внизу станцию. Дым ненадолго рассеялся, медный диск солнца садился в тумане позади домов Римской улицы. Маневровый паровоз подавал сформированный состав, отправлявшийся на Мант в четыре двадцать пять. Когда поезд оказался под навесом крытой платформы, паровоз отцепили. Откуда-то издалека, должно быть из депо Окружной дороги, доносился стук буферов: по-видимому, спешно сцепляли еще несколько вагонов. На переплетении рельсовых путей одиноко высился мощный локомотив пассажирского поезда; на нем виднелись силуэты машиниста и кочегара, черных от сажи; локомотив, казалось, задыхался от усталости, и тонкая струйка пара выходила из его клапана. Он ждал, когда откроют путь и можно будет возвратиться в депо Батиньоль. Красный диск щелкнул и исчез. Паровоз тронулся.

— До чего ж они веселы, эти сестры Довернь! — проговорил Рубо, отходя от окна. — Слышишь, как колотят по клавишам?.. Я только что видел Анри, он просил тебе кланяться.

— За стол, за стол! — крикнула Северина.

Она накинулась на сардины и с жадностью поглощала их. Ведь легкий завтрак в Манте был уже так далек! Приезжая в Париж, Северина точно пьянела. Беготня по шумным улицам, покупки в магазинах, где шла дешевая распродажа товаров, наполняли ее радостным трепетом и лихорадочным волнением. Весною она оставляла в столице все сделанные за зиму сбережения, предпочитала все покупать сразу, утверждая, что так экономнее, не приходится лишний раз тратиться на дорогу. Продолжая есть с ап-

петитом, Северина без умолку болтала. Слегка конфузясь и краснея, она в конце концов призналась, что истрачено больше трехсот франков.

— Черт побери! — пробормотал неприятно удивленный Рубо. — Ты слишком расточительна для жены помощника начальника станции!.. Собиралась ведь купить только полдюжины сорочек и пару ботинок?

— О милый, это редкий случай, мне попался прелестный шелк в полоску! И шляпка до того изящная, просто мечта! Готовые юбки с кружевными оборками... И все почти даром, в Гавре я заплатила бы вдвое дороже... Когда они мне пришлют, ты сам увидишь!

Он невольно рассмеялся — так хороша она была в порыве радости, так трогательна в своем смущении. К тому же было так уютно за этим бесхитростным завтраком вдвоем, в уединенной комнате. Куда лучше, чем в ресторане. Северина, которая обычно пила только воду, теперь, не отдавая себе отчета, то и дело подносила к губам бокал с вином. С сардинами было покончено, и супруги принялись резать новым ножом мясной пирог. То был поистине великолепный нож, и резал он на славу!

— А как твои дела? — спросила Северина. — Ты позволяешь мне болтать, а сам даже не говоришь, чем все кончилось с этим супрефектом?..

И тогда он подробно передал ей, как его встретил начальник службы эксплуатации. Да, головомойка была по всем правилам! Он, конечно, защищался, рассказал всю правду, ведь этот ничтожный фат, супрефект, вздумал ехать со своей собакой в вагоне первого класса, хотя для охотников отведен особый вагон второго класса; между ними разгорелась ссора, и оба в выражениях не стеснялись. Начальник, правда, признал, что Рубо имел полное право настаивать на соблюдении инструкции, но пришел в гнев от сказанных им слов: «Не вечно вы будете господами». Поговаривали, будто Рубо республиканец. Дебаты при открытии сессии палаты депутатов 1869 года и тайный страх перед приближавшимися выборами в парламент делали правительство особенно подозрительным. И если бы не хороший отзыв председателя суда Гранморена, он, Рубо, непременно лишился бы места. Все-таки ему пришлось принести извинение в письменной форме: так посоветовал Гранморен, который сам же и набросал письмо.

Прервав его, Северина воскликнула:

— Ага! Значит, я была права, написав ему! И хорошо, что мы зашли туда нынче утром, перед тем как тебе отправиться к начальству... Я не сомневалась, что он вызволит нас из беды.

— Да, старик к тебе очень привязан, — заметил Рубо. — И пользуется большим весом в Компании железных дорог... Но, скажи на милость, что толку быть на хорошем счету? Они никогда не скупились на похвалы по моему адресу: правда, говорят, будто я недостаточно энергичен, но зато дисциплинирован, старателен и трудолюбив. А все же, моя милая, не будь ты моей женою и не заступись поэтому за меня Гранморен, я б лишился должности и меня в наказание отправили бы на какую-нибудь захолустную станцию.

Северина уставилась в пространство и прошептала, словно думая вслух:

— Да, он и впрямь пользуется большим весом.

Наступило молчание; перестав есть, Северина по-прежнему смотрела вдаль расширенными глазами. Должно быть, она вспоминала дни детства, проведенного в замке Дуанвиль, в четырех лье от Руана. Матери своей она не помнила. Отец Северины, садовник Обри, умер, когда ей шел тринадцатый год; и тогда председатель суда, к тому времени уже овдовевший, взял девочку в дом; там она и росла вместе с его дочерью Бертой под присмотром сестры Гранморена, госпожи Боннеон, вдовы фабриканта, которой ныне принадлежит этот замок. Берта была старше подруги на два года, она вышла замуж через шесть месяцев после Северины за некоего господина де Лашене, советника руанского суда, тщедушного человечка с желтым лицом. Гранморен, надо сказать, сделал завидную карьеру: все последнее время он был председателем суда в Руане и только год назад вышел в отставку. Он родился в 1804 году, после событий 1830 года стал товарищем прокурора в городе Динь, затем в Фонтенебло и в Париже; впоследствии был прокурором в Труа и в Ренне и наконец занял пост первого председателя суда в Руане. Обладатель нескольких миллионов, Гранморен начиная с 1855 года неизменно входил в состав департаментского совета, в день выхода в отставку он получил командорский крест ордена Почетного легиона. С детских лет Северина помнила его таким же, каким он оставался поныне: коренастый, плотный, рано поседевший человек; его некогда свет-

лые волосы приобрели желтовато-белый оттенок и торчали жесткой щеткой, усов он не носил, но коротко подстриженная борода окаймляла квадратное лицо, которому мясистый нос и холодные синие глаза придавали суровое выражение. Гранморен был крут в обращении, и окружающие трепетали перед ним.

Рубо спросил:

— Послушай, о чем ты думаешь?

Потом, повысив голос, повторил вопрос.

Северина испуганно вздрогнула, будто ее захватили врасплох.

— Да ни о чем.

— Ты даже есть перестала, уже сыта?

— Нет, нет... Сейчас увидишь.

Осушив бокал, она докончила пирог, лежавший на ее тарелке. Но тут возникла суматоха: у них не осталось ни крошки хлеба, и сыр есть было не с чем. Раздались веселые восклицания, послышался смех, супруги кинулись к буфету тетушки Виктории, перевернули там все вверх дном и наконец обнаружили завалявшуюся черствую горбушку. Хотя окно оставалось открытым, было по-прежнему жарко, и молодая женщина, сидевшая спиной к печке, еще больше раскраснелась; необычный и шумный завтрак усилил ее возбуждение. Рубо снова подумал о Гранморене: да, тетушка Виктория тоже должна на него молиться! Девушкой ее соблазнили, ребенок у нее умер, и она сделалась кормилицей Северины, чье появление на свет стоило жизни матери; позднее Виктория вышла замуж за кочегара Компании Западных железных дорог; в Париже она бедствовала: муж пропивал все деньги, и она зарабатывала жалкие гроши шитьем; случайно встретив Северину, тетушка Виктория возобновила старое знакомство, и председатель суда оказал ей покровительство — определил на выгодное местечко уборщицы в роскошном дамском туалете для пассажиров первого класса. Куда уж лучше! Правда, Компания платит ей всего сто франков в год, но вместе с чаевыми у нее набирается до тысячи четырехсот, не говоря уже о бесплатном жилье и топливе. Словом, она прекрасно устроена. Рубо прикинул, что, если бы муж тетушки Виктории, кочегар Пеке, отдавал жене свое жалованье, которое вместе с доплатами достигало двух тысяч восьмисот франков в год, а не пропивал бы его на линии, чета ежегодно располагала бы суммой в четыре тысячи франков, — а это ведь

в два раза больше, чем имеет он, помощник начальника станции в Гавре!

— Спору нет, не всякая согласится служить в уборных, — пробормотал он вслух. — Но занятие это ничуть не хуже другого.

Между тем супруги утолили голод и теперь вяло жевали сыр, отрезая от него тонкие ломтики, чтобы растянуть удовольствие. Они лениво перебрасывались словами.

— Да, я все хочу спросить! — воскликнул Рубо. — Почему ты не захотела погостить два-три дня в Дуанвиле, куда тебя приглашал старик?

Все еще пребывая в блаженной полудремоте после завтрака, Рубо вдруг вспомнил об утреннем посещении особняка Гранморена на улице Роше, возле самого вокзала; перед его глазами опять возник большой строгий кабинет, а в ушах зазвучал голос председателя суда, сообщившего, что он собирается на следующий день в Дуанвиль. Затем, будто следуя внезапно зародившейся мысли, Гранморен сказал, что, пожалуй, поедет вместе с супругами курьерским поездом в шесть тридцать вечера, и предложил крестнице отправиться с ним в Дуанвиль, так как его сестра уже давно хочет ее повидать. Однако молодая женщина приводила всевозможные доводы, не позволявшие ей, как она уверяла, принять это предложение.

— Если хочешь знать, — продолжал Рубо, — я не вижу в том ничего дурного. Ты могла бы там погостить до четверга, а я бы и без тебя управился... Ведь в нашем положении мы в них нуждаемся, не так ли? Вряд ли стоило отвечать отказом на подобное радушие, тем более что его это, видно, не на шутку огорчило... Вот почему я и уговаривал тебя, пока ты не дернула меня за рукав. Тогда я принял твою сторону, но так ничего и не понял... Скажи, почему ты заупрямилась?

В глазах Северины заметался испуг, у нее вырвался нетерпеливый жест.

— Что ж, мне тебя одного оставлять?

— Ну, это не причина... Мы три года женаты, за это время ты дважды ездила в Дуанвиль и проводила там по неделе. Ничего тебе не мешало поехать туда в третий раз.

Замешательство молодой женщины возрастало, она отвернулась.

— Не хочу — и все! Не заставляй меня поступать так, как мне не хочется.

Рубо развел руками, словно желая сказать, что он ее ни к чему не принуждает. Но все-таки прибавил:

— Постой! Ты от меня что-то скрываешь... Уж не госпожа ли Боннеон в последний раз плохо тебя приняла?

Нет! Г-жа Боннеон всегда с ней ласкова. И какая это приятная женщина — высокая, статная, с чудесными русыми волосами, она и до сих пор еще хороша, хотя ей уже пятьдесят пять лет! Поговаривали, что с тех пор, как она овдовела, да и раньше, сердце ее частенько бывало занято. В Дуанвиле ее просто обожают, она превратила свой замок в обитель радости, у нее бывает цвет руанского общества, особенно судейские чиновники. Именно среди них у госпожи Боннеон больше всего друзей.

— Тогда, значит, Лашене с тобой холодно обошлись?

Разумеется, выйдя замуж за господина де Лашене, Берта перестала быть для нее такой близкой подругой, как раньше. Бедняжка Берта, она нисколько не стала лучше, у нее все такое же невыразительное лицо с красным носом. В Руане дамы, правда, превозносят ее благовоспитанность. Да и такой муж, как у нее, — безобразный, сухой, жадный, — конечно, не украшает женщину, только делает хуже. Но нет, Берта держалась со своей прежней подругой вполне радушно, и та ни в чем не могла ее упрекнуть.

— Стало быть, тебе не по душе сам старик?

Северина, до сих пор отвечавшая бесстрастно, ровным голосом, тут потеряла терпение:

— Он? Какой вздор!

И продолжала раздраженно, отрывисто:

— Его там почти не видать. У него в парке отдельный флигель с выходом на пустынную улочку. Он уходит, приходит, и никто об этом даже не подозревает. Сестра Гранморена и та не знает, когда именно он приедет. Он выходит в Барантене, нанимает коляску и прибывает в Дуанвиль ночью; случается так, что он по нескольку дней неведомо для всех живет в своем флигеле. Уж он-то меньше всего стесняет.

— Я заговорил о нем только потому, что ты раз двадцать рассказывала мне, будто в детстве его до смерти боялась.

— Скажешь тоже — до смерти! И вечно-то ты преувеличиваешь... Что правда, то правда: он никогда не улыбался. Уставится

на тебя своими глазищами, волей-неволей голову опустишь. Люди перед ним терялись, не могли и слова вымолвить, до того он их подавлял своим суровым и ученым видом. Но меня он никогда не бранил, я всегда чувствовала, что он питает ко мне слабость...

Голос ее снова зазвучал тише, а глаза смотрели куда-то вдаль.

— Помню... девочкой я часто играла с подружками в аллеях парка, и, когда он показывался, все прятались, даже его дочь Берта, — она вечно боялась провиниться. Но я, я спокойно ждала его приближения. Проходя, он мимоходом бросал взгляд на мою улыбающуюся мордочку и ласково трепал по щеке... Позднее, когда мне уже было лет шестнадцать, Берта, желая чего-нибудь добиться от него, всякий раз прибегала к моей помощи. Говоря с ним, я никогда не опускала взгляда, хотя его глаза так и буравили меня. Но я на это не обращала внимания, была уверена, что он ни в чем не откажет!.. О да, я помню, все помню! Любой укромный уголок в парке, любую комнату в замке, любой поворот коридора я живо представляю с закрытыми глазами.

Северина умолкла и смежила веки; и по ее возбужденному, чуть припухшему лицу, казалось, пробегал трепет — точно отблеск былых воспоминаний, о которых она никогда не говорила. Так она просидела несколько мгновений, губы ее слегка дрожали, как будто нервный тик сводил ей рот.

— Ничего не скажешь, старик всегда благоволил к тебе, — заговорил Рубо, раскуривая трубку. — Не только воспитал как барышню, но и очень разумно распорядился твоими деньжатами, а перед нашей свадьбой даже изрядно округлил капиталец... Ну и потом, после его смерти, тебе кое-что перепадет, он сам об этом при мне говорил.

— Да, — прошептала Северина, — дом в Круа-де-Мофра, там теперь через усадьбу проходит железная дорога. В те годы мы все нередко проводили в нем неделю-другую... Впрочем, я не надеюсь, уж Лашене, конечно, постараются, чтобы он мне ничего не оставил. Да и, по мне, лучше, чтобы он мне ничего не завещал, ничего!

Последние слова она произнесла так пылко, что Рубо вынул трубку изо рта и с удивлением уставился на нее:

— Ты что, спятила? Говорят, у председателя несколько миллионов, и его не убудет, если он упомянет в завещании свою крестницу. Никого это не поразит, а нам очень пригодится.

Золя Э.

З 81 Человек-зверь ; Жерминаль : романы / Эмиль Золя ; пер. с фр. Я. Лесюка, Н. Немчиновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 864 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28939-0

Эмиль Золя — один из столпов мировой реалистической литературы, основоположник и теоретик натурализма, увлеченный исследователь повседневности, страстный правозащитник и публицист, повлиявший на все реалистическое направление литературы XX века. Его самый известный труд — эпохальный двадцатитомный цикл «Ругон-Маккары», раскрывающий перед читателем бесконечную панораму человеческих пороков и добродетелей в декорациях Второй империи. Это подлинная энциклопедия жизни Парижа и французской провинции на примере нескольких поколений одной семьи, родившей самые странные плоды.

В настоящее иллюстрированное издание вошли романы, занимающие, согласно предписанному автором порядку чтения, пятнадцатое и шестнадцатое места в цикле.

Герой романа «Человек-зверь» Жак Лантье, сын героини «Западни» Жервезы Маккар, становится невольным свидетелем жестокого убийства. Последовавшие за этим события не только меняют течение его жизни, но и пробуждают тяжкий моральный недуг, унаследованный им от предшествующих поколений семьи.

Еще одному сыну Жервезы, Этьену Лантье, уготована иная судьба. Отправленный авторской волей в шахтерский поселок на севере Франции, он становится центральным персонажем романа «Жерминаль» — одного из самых острых и революционных высказываний о жизни людей труда в истории мировой литературы.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ЧЕЛОВЕК-ЗВЕРЬ
•
ЖЕРМИНАЛЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Валентина Гончар, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.03.2025.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: http://atticus-group.ru/certification/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-38052-01-R